

Урубков Михаил Михайлович

студент магистратуры
Ростовский государственный
университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия

Працко Геннадий Святославович

д.ф.н., д.ю.н., профессор
Ростовский государственный
университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ В АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ****Аннотация**

Рассматривается проблема разграничения понятий «управление» и «контроль» в российском корпоративном праве. Анализируются существующие доктринальные подходы и законодательная неопределенность, противопоставляя корпоративное управление как штатный процесс формирования воли юридического лица и контроль, как юридически обеспеченную возможность собственника определять его стратегические решения. Исследование затрагивает трансформацию целей корпоративного управления в контексте современной ESG-повестки, смещающей фокус с извлечения прибыли на создание общей ценности и устойчивое развитие компании.

Ключевые слова: корпоративное управление, устойчивое развитие, акционерное общество

В динамично развивающемся корпоративном праве России остро стоит вопрос о систематизации и упорядочении правоотношений, и центральная сложность заключается в законодательном разграничении понятий «участие» и «управление». В п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ эти категории соединены союзом «или», что намекает на их нетождественность и даже противопоставление, однако законодатель не дает этому никаких пояснений [1]. Более того, за любым решением корпорации, этой самостоятельной хозяйственной единицы, неизбежно стоит воля конкретных людей. Это подводит к главному явлению корпоративного управления – контролю, который в широком смысле и есть юридическая или фактическая возможность определять эту волю. Контролировать корпорацию – значит иметь решающее влияние на ее стратегию, политику и долгосрочные цели.

Корпоративное управление – это штатный, типичный процесс формирования воли компании, основанный на системе взаимоотношений между ее органами и участниками в рамках их компетенций. Этот процесс, как следует из ст. 53 и 65.3 Гражданского кодекса РФ, должен осуществляться добросовестно и разумно, то есть в интересах самой корпорации [1]. Контроль же, в свою очередь, представляет собой возможность – фактическую или юридически обеспеченную – вторгаться в этот

типичный процесс и оказывать на него определяющее влияние, зачастую подчиняя волю корпорации интересам контролирующего лица [9, с. 147]. Следуя зарубежной доктрине, можно рассматривать рынок корпоративного контроля как внешний дисциплинирующий механизм для менеджмента, что предполагает их разделение [8, с. 204]. Таким образом, управление – это нормальное функционирование, а контроль – это рычаг воздействия на него.

Наибольшие споры вызывает широкая трактовка, при которой корпоративный контроль отождествляется с любой возможностью – юридической или фактической – определять волю компании. Такой подход, который отстаивает, например, А. О. Шиткин, ошибочно сводит контроль к обладанию большинством голосов и допускает его наличие у лиц, влияющих на корпорацию через неформальные рычаги [10, с. 118]. Эта позиция упускает из виду, что корпоративный контроль – это весь комплекс правомочий, предоставленных законом именно собственнику, включая права миноритариев, такие как право выдвигать кандидатов в совет директоров при наличии всего 2 % акций, согласно п. 2 ст. 53 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2]. Фактическое же влияние, основанное на авторитете или родственных связях, не вытекает из права участия и не может считаться корпоративным контролем.

Несмотря на то что хозяйственное общество – это правовая фикция, обособленная от своих создателей, что следует из п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса РФ, за его интересами в конечном счете стоят интересы его учредителей, которые совпадают в долгосрочной перспективе [5]. Корпоративный контроль – это не просто фактическая возможность, а юридически закрепленное право участника влиять на принятие управленческих решений. Когда собственник делегирует широкие полномочия менеджменту, он не теряет своего права на контроль, а лишь реализует его через других лиц, по аналогии с институтом представительства. Если же собственника лишают контроля вопреки его воле и закону, он теряет фактическую возможность влиять на бизнес, но не само юридическое право, которое за ним сохраняется. Именно собственник, приобретая долю в капитале, не только принимает на себя риски, но и получает право определять экономическую стратегию бизнеса. Реализация этой расширенной миссии ложится на плечи руководителя, чьи отношения с собственниками носят фидуциарный, доверительный характер (ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ) [1].

В основе корпоративного управления лежит идея долгосрочного процветания компании, нацеленного на устойчивое развитие и увеличение отдачи от инвестиций. Современная повестка, отраженная в Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года, обогащает это понятие ESG-факторами, призывая бизнес учитывать экологические, социальные и управленческие аспекты в своей деятельности [4].

ESG-повестка служит системой координат для оценки вклада компании в решение глобальных вызовов, таких как бедность, неравенство, изменение климата и защита окружающей среды, которые официально признаны целями устойчивого развития России [3]. Это меняет сам взгляд на предназначение бизнеса: компания должна создавать ценность не только для своих собственников, но и для всего общества, принося пользу сотрудникам, клиентам и местным сообществам. Истинная цель бизнеса – находить прибыльные решения для проблем людей и планеты, где сама прибыль становится следствием этой миссии, а не самоцелью.

Судебная практика демонстрирует формулировки, где наряду с извлечением прибыли указывается «удовлетворение общественных потребностей» или даже реализация «экономических интересов... членов трудового коллектива» [6, 7]. Игнорирование социальных аспектов чревато вполне материальными последствиями: отпугивая инвесторов, можно лишиться и расположения контрагентов, что в итоге ведет к потере рынка и деловой репутации.

Для гармонизации интересов собственников, менеджмента и трудового коллектива эффективным инструментом выступают программы долгосрочного стимулирования. Связывая вознаграждение сотрудников не только с ростом прибыли и цены акций, но и с достижением социальных показателей, таких как обучение персонала или расходы на благотворительность, компания создает мощную мотивацию для всего коллектива работать на достижение общих, долгосрочных и устойчивых целей. Таким образом, происходит переход от простого управления к созданию общей ценности, что и является сутью современного корпоративного управления.

Современные вызовы ставят под сомнение устоявшиеся догмы, побуждая к выработке принципиально новых концепций. Это заставляет нас критически оценить, являются ли общепринятые «лучшие практики» корпоративного управления действительно универсальным благом или лишь коммерчески успешным продуктом, навязанным зарубежными регуляторами и юридическим сообществом. Сегодняшний

повсеместный поиск иного, более глубокого содержания корпоративных отношений определяет вектор их будущего развития. В этих условиях перед российскими учеными и юристами-практиками стоит амбициозная задача: не просто адаптироваться к изменениям, а возглавить интеллектуальный процесс по созданию обновленной философии корпоративного управления, обеспечив в ней весомое место для отечественной правовой мысли. Таким образом, корпоративное управление следует понимать, как неотъемлемый атрибут права участия в корпорации, его основную ценность наравне с имущественной стоимостью доли. Это право неразрывно следует за собственником и не переходит к иным лицам даже при делегировании полномочий или временной утрате фактического влияния.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1. DOI: 10.1177/030913259602000101. EDN: JTPABP.
3. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 30. Ст. 5814.
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. III). Ст. 476.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 № 305-ЭС19-8916, А41-6748/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 07.09.2023 по делу № А33-18274/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.10.2023 по делу № А23-878/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Оборон А.С. Истоки понятия «корпоративный контроль» в зарубежной и отечественной доктрине // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. – № 8. – С. 199-207. – DOI: 10.17803/2311-5998.2023.108.8.199-207. – EDN: JUGAMK.

9. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. – С. 142-206.

10. Шиткин А.О. Понятие и основания возникновения корпоративного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 5. – С. 110-120. – EDN: EJANBP.